

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ МОРГОЛЬ

АРСЕНАЛ
ЭВОЛЮЦИИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ МОРГОЛЬ

АРСЕНАЛ ЭВОЛЮЦИИ

РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ПРОЛОГ

Если кто-нибудь заявит мне, что не верит в судьбу и самостоятельно способен контролировать свою жизнь, я откровенно рассмеюсь этому человеку в лицо после того, как его собьет выскочивший из-за поворота самосвал. Возможно, так уверен в себе был преуспевающий менеджер до наступления мирового финансового кризиса, или директор строительной корпорации, дающий на объекте указания подчиненным аккуратно под неудачно закрепленной плитой, или средне-статистический житель Нагасаки в августе сорок пятого.

Если любому из нас предложить на выбор чемодан, доверху набитый деньгами, или пузырек валидола, то тех, кто выбрал лекарство, можно будет считать как минимум странноватыми людьми. Но таких в нашей группе испытуемых наберется, естественно, подавляющее меньшинство. А вот, предположим, к любителям халявы вечером подъедут собственники капиталов в компании с монтировками, утюгами, паяльниками и прочими атрибутами власти, заберут причитающееся и вместо запланированного на завтра визита к стоматологу вынудят обращаться к специалисту иного профиля. А обладатели валидола на пути встретят загибающегося от сердечного приступа банкира, сунут ему под язык, собственно, на фиг им не нужную таблетку — и далее хлебнут счастья от благодарного богача по полной программе. Конечно, те счастливичики, которые сейчас прохлаждаются в просторных палатах травматологии, скажут — мол, да если бы мы знали, мы, конечно, валидол бы выбрали. Вот в том-то вся и фишка: если бы знали обо всех последствиях своих поступков — стали бы хозяевами жизни. Но жизнь — далеко не компьютерная игра, ее нельзя сохранить в ключевом моменте, а потом загрузить

зять с того же места, если результат не понравился. Выбирать доводится лишь один раз.

Весь смысл в том, что есть на свете вещи, которых мы не можем не то что предвидеть, но даже прогнозировать. При этом частью сих вещей являются такие же люди, как мы, а человек — самое непредсказуемое создание, особенно если он еще и женщина.

Понятно, что влияние судьбы не всегда фатально и негативно, иногда оно может быть полезным, а чаще всего совсем незаметным. Бывают личности, которые ставят перед собой цель и твердо знают, как ее добиться, но некоторым из них фортуна дует в спину попутным ветром, а другим постоянно подсовывает палки в колеса. Это не значит, что при первой же неудаче надо со словами «не судьба» сворачивать начатое дело. Хотя кому как по вкусу — мне лично фиолетово. Просто встречаются люди, у которых нет цели, они плывут по течению жизни, не заглядывая далеко вперед, но в один прекрасный день судьба вдруг резко хватает их за руку и забрасывает в самые невероятные места и обстоятельства. И это все в один прекрасный день.

Глава первая, оптимистическая

День с самого утра задался слишком отменным! Начало его настолько ошеломляло и обнадеживало, что в мозг коварно закралась предательская мыслишка: «Нет!.. В жизни так хорошо не бывает: обязательно где-нибудь кроется либо жестокий форс-мажор, либо съемочная группа программы «Розыгрыш». А еще весьма вероятно, я в лучших традициях своего стиля испорчу потрясающе гладкий ход событий самостоятельно, да таким нелепым образом, что прокляну и себя, и это утро, подававшее столь великие надежды». Но пока все шло хорошо, и я запинал начинающийся неуместный депрессняк поглубже в подкорку, прикрыв его свежими воспоминаниями, даже педаль газа утопил глубже по такому поводу.

А утро и вправду стартануло замечательно. Началось все с того, что помер мой сосед. Нет, не то чтобы я ненавидел старого параноика, отношения у нас были довольно нейтральными. Он даже пару раз вполне дружелюбно рассказывал мне какие-то свои бредовые истории про межгалактические сообщения, путешествия по иным мирам и про борьбу с фашистами в тех же условиях. Не менее дружелюбно я выслушивал его логически взаимосвязанные, но абсолютно нереальные (таков уж характер бреда) рассказы и даже многозначительно кивал в особо драматичных местах. Еще с детства помню, что с умалишенными надо во всем соглашаться, так как взбесившегося душевнобольного — а с ними это происходит часто — могут успокоить лишь добрые, но далекие, сильные, но неспешные с прибытием санитары дурдома.

В соседовы списки подозреваемых в межгалактическом шпионаже я не входил, поэтому Леонтий Палыч мою скромную жизнь своими контрразведывательными мерами не отравлял. В отличие от жизни Вадима, который у старика

слыл врагом номер один — видимо, из-за того, что жил в квартире над Пальчем, куда пару раз приводил своих друзей-панков и частенько забывал выключать воду в ванной.

Дедок мстил сурово и безжалостно, по-армейски: приклеивал канцелярские кнопки к дверному звонку супостата, регулярно осенял с помощью половой краски дверь обителю нехристей православным крестом, а один раз даже имел проблемы с милицией, когда набрал в шприц сырое яйцо и через иглу ввел его под мягкую обивку многострадальной входной двери Вадима. Тогда, уже через пару солнечных деньков, яйцо протухло и ароматизировало весь подъезд. Кто-то, естественно, поднял шумер и вызвал специалистов из ЖЭСа. Те причину благовоний установили моментом, поржали, само собой, а дверь посоветовали сменить.

Но уязвленный народ требовал справедливости. Что делать — уяснили, кто виноват — уже догадывались, осталось воздать виновному по заслугам. Вызвали ментов. Леонтий Пальч был привлечен по статье «мелкое хулиганство», оплатил добросовестно пять минималок и не обратил никакого внимания на великодушие оппонента, который даже не взыскал с него за материальный ущерб. Мало того, через пару недель проблемы с милицией начались у самого Вадима: старик непонятным образом умудрился вызвать служителей правопорядка аккурат к тому злополучному моменту, когда друзья притащили в квартиру Вадика спичечный коробок с известным содержимым и успели оприходовать половину.

В общем, помер Леонтий Пальч. Получилось так, что даже у меня на глазах. В то утро Мария Федоровна, его племянница, которая ухаживала за дядькой последние полгода, вихрем вломила ко мне в квартиру без предварительного звонка и принялась трясти мое спящее после ночной смены в клубе тело, приговаривая неестественно высоким, срывающимся голосом:

— Арсений, Арсений, просыпайся, там дяде плохо, помоги, Арсений, Арсений! — И так вот нудно, монотонно, без пауз и промежутков. — Арсений, Арсений...

— Да что ж это такое... — Подавив зевок, я присел на диване, убедился, что в очередной раз дрых одетым, и с максимальной жалостью выдавил: — Ну, Мария Федоровна, вы же знаете, я только с ночи...

— Знаю, Арсенчик, извини... но я не знаю, что делать!

Дядя там хрипит, хватает ртом воздух, в постели мечется... — Она более активно, чем обычно, сопровождала речь соответствующей жестикуляцией. — Мне так страшно...

Ее выпученные, как у затисканного хомячка, глаза смотрели на меня со страхом и удивлением. Вообще-то органы зрения у нее всегда были такими из-за какой-то там базедовой болезни, коей Мария Федоровна почему-то сильно гордилась и которая придавала лицу женщины постоянное испуганно-озадаченное выражение, а также приносила некоторую суетливость в поведение. Собственно, поэтому особого значения ее трагическому выступлению я придавать не стал, однако старика, хрен с ним, решил посмотреть — ни разу ж дома у соседа не был. Хотя что делать с Палычем, я особо не представлял. Если, со слов Марии Федоровны, все действительно так плохо, то толку с меня будет — как с зонтика на Пёрл-Харборе. Но все же я поднялся с дивана, выковырял из-под него тапки, быстро их напялил и с полной готовностью к реанимационным мероприятиям двинулся к соседу.

— А чего «скорую» не вызывали? — поинтересовался я, проклиная свою привычку оставлять дверь по возвращении домой открытой.

— Ты знаешь, Арсенчик, дядя ведь на учете в психдиспансере, — затараторила соседка, пропуская меня вперед. — Ну приедут, ну что скажут: псих, придушивается, припадок. Знаю я этих врачей...

Ага, ну конечно, а я этих внезапных племянниц тоже знаю. За последний год Палыч основательно сдал. Сколько ему там... восемьдесят с чем-то вроде? А тут вдруг откуда ни возьмись — на тебе! Племяша нарисовалась! Заботливая, словно курица-наседка. Все, конечно, правильно делает: и в магазин сбегает, и приберется, и приготовит, и, может, даже постирает, — чем черт не шутит. Но к врачам дядю — ни-ни! А то мало ли — вдруг подлечат ненароком, потом еще год с ним возиться. Ну уж нет! Подобные сроки в ее план «Барбаросса» явно не входили. Квартирный вопрос надо решать быстро. И вот, Мария Федоровна, судя по всему, халявное жилье движется на вас с неотвратимостью локомотива, а я по-прежнему буду ютиться в съёмном. Эх! Жаль, у меня такого дяди нет. Завидую!

Квартирка у Палыча была, конечно, не фонтан, зато трехкомнатная. Запах ветхости, традиционный для таких апарта-

ментов, с радостью бросился туманить мой и без того сонный организм. Коридор запомнился допотопными совковыми обоями, половиками, цвет которых, наверное, затруднительно было установить даже при покупке, покосившимися антресолями и каким-то измученным пытками гибридом лавки с тумбочкой для обуви. Всем своим видом это извращенное создание рук человеческих говорило: «Не садись на меня, если тебе больше двадцати килограммов, — я развалюсь. Хозяин, прошу, не выкидывай меня — я еще пригожусь». Валявшийся неподалеку добротный металлический язычок для обуви выглядел угрожающе.

Мария Федоровна провела меня в комнату, которая, судя по наличию в ней телевизора, являлась залом. Леонтий Палыч лежал в одних семейниках на конгломерате из подушек и одеяла, скомканных на кровати в дальнем, самом темном углу помещения, и шумно хрипел. Дышал он часто, прерывисто, синюшные губы жадно хватали воздух, а глаза, казалось, бешено вращались под закрытыми веками. Старик с ног до головы покрылся липким холодным потом, и еще от него исходил просто невыносимый тухло-сладковатый запах, который поневоле вызывал под ложечкой вполне ощутимые спазматические волны. С тех пор как я видел старика в последний раз, а это было больше месяца назад, Палыч сильно исхудал, черты его лица заострились, а кожа приобрела какой-то землистый оттенок.

— И давно он так? — Я спрятал лицо в ладони, якобы задумавшись, и дышать старался через рот, но запах прошибал насквозь.

— С полчаса. Поначалу спал спокойно, правда, очень долго. В это время он кушает обычно. А потом как захрипел, как заметался — вон постель всю взбил. И пена ртом пошла, красненькая.

Обычно в таких ситуациях стариков окружает целый арсенал пилюль, таблеток, порошочков, скляночек с микстурами, отварами, а также бабки-шептухи, вооруженные охапками сушеных целебных трав и мышиным пометом. Леонтий Палыч же всех этих радостей предсмертного одра был начисто лишен и героически коротал последние часы в гордом одиночестве. В том, что он умирал, лично у меня не возникало никаких сомнений. Также, судя по отсутствию до сих пор врачей и горстей пилюль вокруг, я окончательно убедился в же-

лании заботливой племянницы любимому дяденьке доброго здоровья.

— Что нам теперь делать? — подала она голос.

А то ты не знаешь! Конечно, кричать: «Шампанское в студию!» — и петь песню «Мечты сбываются», подумал я, а вслух сказал:

— Вы знаете, Мария Федоровна, боюсь, что ни мы с вами, ни даже специалисты сейчас уже сделать ничего не смогут, так что звоните в «Скорую» или вызывайте врача из поликлиники.

— 3-зачем? — От удивления она даже начала заикаться и еще больше выпучила глаза. Видимо, заподозрила что-то неладное.

— Чтобы составить свидетельство о смерти или, может, забрать тело на вскрытие, это же врачи — мало ли что им там в голову взбретет...

— А-а... — Мария Федоровна понимающе кивнула и торопливо удалилась из зала.

Пока она по телефону договаривалась с диспетчером «Скорой», я решил от нечего делать проверить умирающему пульс. У себя я обычно без труда находил на запястье отбивающую такт сердца артерию, но с Пальчем проделать этот простой прием оказалось проблематично. Лишь через некоторое время стала ощущаться едва уловимая ниточка пульсирующей крови.

— Сказали, что через несколько минут будут. — Мария Федоровна из дверного проема недоверчиво таращилась на мои сложнейшие диагностические манипуляции.

— Надо спуститься вниз, встретить — у вас же домофон до сих пор не работает.

— Ах, ну да, точно. Конечно, Арсенчик.

Я незаметно скривил презрительную рожу. Еще раз назовет меня Арсенчиком — и квартира достанется более дальним родственникам соседа! Арсенчик, тьфу ты! Меня от подобной модификации всего аж передергивает. Да я, случалось, шикарнейших женщин из-за такого обращения с моим именем бросал, не задумываясь (ну, было один раз, правда, после пары заводных коктейлей). То ли дело меня называют на работе — Арсенал! Гордо, мужественно, да и одноименный футбольный клуб сам по себе солидный — не какой-нибудь там «Шинник».

Мария Федоровна зашуршала на выход, а я остался один на один с умирающим Палычем. Смотреть на его изможденное мучениями лицо было грустно и скучно, поэтому я решил включить телевизор — в субботу утром обязательно должны были крутиться какие-нибудь жизнеутверждающие мультяшки.

Пока я прикидывал, входит ли пульт в комплектацию моего ровесника-телевизора, Палыч издал громкий душераздирающий хрип и замолк. Я внимательно уставился на него, пытаюсь вспомнить, чем живой человек внешне отличается от мертвого. Старик лежал тихо, грудная клетка перестала вздыматься, и все его тело неподвижно обмякло. Уже отработанным движением я схватил его запястье, но, как ни старался, ниточки жизни нащупать не удавалось. Тут же вспомнилось, как в одном фильме в похожей ситуации мужика вернули с того света мощным ударом в грудь. Замахнувшись, я прикидывал, в какое место вмазать, чтобы завести мотор старика. Но вдруг он открыл глаза и уставился на меня! Такого фокуса от соседа я никак не ожидал. Пришлось резко проделывать трюк из другого фильма, почесывая затылок замахнувшейся для удара рукой.

— А-а... Э-э-э... Леонтий Павлович, а мы уж думали, что вы помирать собрались... — Да, ситуация сложилась не самым приличным образом. — Племянница ваша Мария Федоровна «скорую» вызвала, меня вон привела. Сейчас врачей внизу встречает.

— А, Арсений. — Голос Палыча был очень слабым, едва слышным. — Послушай, я чувствую — у меня совсем мало времени. Помнишь, я рассказывал тебе, как летом сорок третьего попал в другую галактику, в совсем другой мир, когда забрел в немецкую лабораторию? Мы тогда Оршу освободили... — Ничего себе, старик опять взялся за свое! — Там, в ином мире, был погреб среди чистого поля. Я в него зашел и попал в фашистскую засаду, помнишь? — Ну да, старик рассказывал что-то подобное, посему я утвердительно кивнул. — У меня тогда еще две гранаты были, я со страху, когда в них кидал, с первой чеку забыл сорвать. Зато вторая рванула так, что у меня уши заложило, а фашистов на куски разнесло, даже трупов не осталось! Помнишь, я говорил, что были там рыцарские доспехи: меч, как у японцев, щит, шлем, латы? Говорил?

— Говорили, Леонтий Палыч, говорили... — Нашел что рассказывать перед смертью — сказки!

— А то, что меч тот я с собой унес, — этого я никому не говорил... — Голос его становился все тише, и звуки Палыч издавал с явным усилием. — Этот меч — он здесь... то есть в подвале... я его спрятал... Там коробка... с двойным дном... ключ на рогах... Маше скажи... пусть продаст... он дорогой... должен быть... не подведи... — Сосед шумно выдохнул и направил взгляд сквозь меня.

Зрачки старика медленно расширились, и, по-видимому, фраза «не подведи» стала последней в его жизни.

В эту же минуту с дежурными соболезнающими лицами в квартиру вошли два работника «Скорой» в сопровождении кудахтающей Марии Федоровны. Они поздоровались со мной, вежливо сместили в сторону, светанули Палычу в глаза фонариком, чуть-чуть пощупали его в области шеи, удовлетворенно покивали друг другу — мол, не зря их вызвали — и принялись расспрашивать нас, как все произошло.

Вяло отвечая на вопросы медиков, я отчего-то задумался о слабости человеческого разума. Ведь непонятно, почему некоторые люди вдруг спонтанно и начисто забывают свои личные данные, имена, родственников и время, в котором живут, а другие бродят непроглядными вечерами по темным подворотням, потому что неодолимое осеннее обострение гонит их искать очередную невинную жертву. Кто-то не выдерживает и секунды в закрытом лифте, а кто-то, непонятно по какой причине, ловит кураж белой горячки и крушит все вокруг. Хотя нет, сорокаградусная причина последнего как раз таки ясна.

Но вот Палыч: откуда в его несчастной лысой башке вылезли эти воспоминания о другой галактике, погребе, фашистах, доспехах? Какая к черту коробка с двойным дном в подвале? «Ключ на рогах» — что он этим хотел сказать? Бред!

Занятый этими размышлениями, я начал плавно погружаться в то состояние, из которого недавно меня так бесцеремонно выдернула Мария Федоровна. Врачи допрос уже закончили, теперь деловито заполняли какие-то свои писульки. Разгоняя сон, я встряхнул головой, кое-как выразил соболезнавания своей новой, почти полноправной соседке и, сославшись на усталость, направился домой. Мария Федоровна поблагодарила за помощь и задерживать больше не ста-

ла. Провожать тоже, но ее можно понять — такая сложная задача сейчас перед ней стояла: плакать или радоваться?

А в коридоре я наткнулся на неожиданность: слева от входных дверей висели рога! Обычные рога, по форме смахивающие на олени, наличием которых так хвастаются подвыпившие хозяева своим гостям, рассказывая, как сами подстрелили их первичного носителя. Традиционно на этих боевых трофеях висят шапки, шарфы, зонты или обанкротившиеся неудачники. Я даже удивился, что не заметил этого элемента декора с самого порога. Не эти ли рога имел в виду сбрендивший Палыч? Ну-ка, ну-ка... Воровато осмотревшись, я запустил руку вверх и действительно что-то нашарил. В ложбинке, на основании, от которого выходили ответвления, лежала связка из двух ключей — один был стандартным, от персонального подвального помещения, как и у всех жильцов, а вот второй представлял собой странноватый металлический огрызок явно кустарного производства. Сонливость внезапно куда-то улетучилась. В голове неоновым свечением настойчиво запульсировала шальная мысль: «А вдруг?!»

Я втихаря выскочил из квартиры соседей, кубарем ломанулся вниз по лестнице, остановился на полпути и рванул обратно — к себе домой, за фонариком. Насколько я знал, в подвале испокон веков лампочки вкручивали по большим праздникам, а выкручивали на следующий же день, окна конструкцией не предусматривались, поэтому темень царила там круглосуточно.

Перелопатив полквартиры, в туалетном шкафчике я все-таки нашел то, что искал. Фонарик у меня был козырный: с помощью специальной резинки крепился на лбу, работал в нескольких режимах и светил довольно мощно. Сейчас уже не помню, у кого спер эту замечательную штучку.

Вход в подвал находился рядом со входом в подъезд, возле которого на лавочке дежурили три бабушки-трещалки. Только я вышел на крыльцо — сразу пять глаз (у одной старухи был стеклянный) начали сканировать пространство вокруг моей скромной персоны, а чрезмерное внимание на данный момент вовсе не приветствовалось.

Дело в том, что, по идее, делать мне в подвале было абсолютно нечего, потому что хозяйка квартиры, которую я сни-

мал, своим подвальным отсеком пользоваться запретила и ключ от него забрала.

Избавиться от бабушек получилось просто и с изяществом. Я глянул на них и скорчил недоумевающую гримасу:

— Что же это вы, кумушки? Палыч-то помер, а вы тут сидите! — Получилось взволнованно и укоризненно.

— Да ты что?! — Водрузив от удивления брови повыше, вся тройка с оханьями да причитаниями покинула место базирования и устремилась в подъезд.

Сработало, как я и рассчитывал: больше мне никто не мешал. Дверь открылась бесшумно, и передо мной распахнулся черный зев подвала, обдав запахом сырости и человеческих выделений — опять где-то прорвало трубу.

Поминая наших доблестных сантехников добрым словом, я водрузил фонарик на лоб, включил самый мощный режим и прикрыл за собой дверь. Стены и лестница, ведущая вниз, в так называемый вестибюль, озарились голубоватым свечением. Я спустился, внимательно всматриваясь в пол, но вокруг было сухо — видимо, трубу прорвало незначительно.

Один раз я все-таки здесь бывал, когда помогал Вадику вытащить мотоцикл, поэтому более-менее ориентировался в пространстве. Прямо передо мной в вестибюле на стене висел бесполезный выключатель (хоть бы и его кто-нибудь свинтил вместе с лампочками — только глаза мозолит), а в стороны отходили два коридора, вдоль которых располагались двери в отсеки. Через пару метров оба коридора поворачивали вперед, а затем шли навстречу друг другу, образуя замкнутый квадрат. Осталось найти отсек соседа: всего их было пятнадцать — по одному на каждую квартиру в подъезде.

Я двинулся по левому крылу, запихивая одолженный ключ во все замки подряд. Лишь когда я обошел все по кругу и почти вернулся обратно к бессмысленному выключателю, нашлась нужная дверь. Щелкнул замок, скрипнули завесы, и луч фонарика выхватил деревянные стеллажи вдоль стен, уставленные разнокалиберными банками с соленьями. Посредине валялся всякий хлам, состоящий из мешков с картошкой и прочими корнеплодами, деревянных ящичков, картонных коробок и пустых жестяных банок из-под краски.

Венчали сию пирамиду наиболее необходимой в хозяйстве утвари, естественно, поломанные лыжи и ржавый велосипед.

Я с энтузиазмом принялся разгрести накопившийся с момента заселения мусор. Самым обидным в этой ситуации было насмешливое осознание того, что если долбаный меч Палыча существовал только на просторах его шизоидного сознания, то в качестве компенсации за моральные и физические усилия отсюда можно будет стырить разве что банку с помидорами.

Вскоре из-под груды пустых мешков показалась узкая длинная коробочка, сколоченная из обшарпанных тухлявых досок, закрытая такой же «надежной» крышкой с замком. Неужели в подобном сейфе можно хранить что-то действительно ценное? Но раз уж добрался, почему бы не попробовать. Минут пять я ковырялся самопальным ключом в не менее самопальном замке и уже совсем собрался отчаяться, когда коварный механизм наконец поддался. Коробочка меня обрадовала грудой тряпья и рамкой с портретом великого вождя мирового пролетариата. Однако не зря же Палыч говорил про двойное дно! Без зазрения совести я вытряхнул все добро на пол (все равно Мария Федоровна уберет, если доберется, конечно) и продуманно взвесил на руках то, что осталось. К моему сожалению, коробочка весила немного — примерно столько, сколько и должна весить куча ссохшегося дерева. С последней надеждой я встряхнул этот кусок антиквариата, как дети трясут яйцо киндер-сюрприза, но проклятый деревянный монстр отозвался лишь тишиной!

Смачно выругавшись, я все-таки полез ковырять дно несчастной коробочки. После пары неудачных скребков мой ноготь зацепился за маленькую выемку, и деревяшки слегка сместились. Теперь под них свободно могли залезть пальцы. Я схватился за освободившийся край и выдрал доски к чертовой матери. Под ними плотным слоем лежали опилки, в которые я нетерпеливо, как под блузку грудастой красавицы, запустил свои руки, но в тот же миг с воплем выдернул. На большом пальце правой руки красовался неглубокий порез, но кровь сочиться еще не начала — признак чрезвычайно острой заточки.

Сердце радостно загрохотало в груди, передавая вибрации в мозг и руки. Затаив дыхание, очень аккуратно и осторожно я освободил меч и вытащил его из коробочки. Клинок своей

длинной рукояткой и узким, чуть изогнутым лезвием, как и говорил Палыч, напоминал японскую катану, только гарда была не в виде квадратной или круглой пластинки, а полусферическая, как на саблях или рапирах. И цвет стали казался каким-то странноватым... правда, в свете электрического фонарика глаза могли нагло врать. А еще меч оказался на удивление легким как перышко. Но разбираться с этими особенностями, равно как и танцевать от радости, не было ни желания, ни времени. К тому же отнюдь не помешало бы срочно замаскировать приобретение от посторонних глаз: лишние вопросы могли навести на правильные ответы, а отдавать реликвию законной хозяйке ох как не хотелось. Ей и так целая квартира досталась, да и вообще не заслужила Мария Федоровна бонусов!

В качестве маскировочного материала был выбран пустой матерчатый мешок, в который я и завернул находку, стараясь не наследить уже обильно капавшей кровью, которой здесь больше всего не хватало.

Закрыв за собой дверь, я только двинулся к выходу, как вдруг на стене возле выключателя появилась широкая полоса дневного света с очертанием человеческой тени — кто-то заходил в подвал! Пришлось быстренько вырубать фонарик.

— Эй! Есть тут кто? — Громкий хриловатый голос оповестил, что это был Кухарчик из седьмой. — Мать вашу, опять кто-то дверь за собой не закрыл!

Раздался звук шагов — сосед спускался вниз по лестнице. Конечно, можно было подать голос и выйти навстречу, но для этого пришлось бы объяснять, что это я делал в подвале, в котором не храню ни одной своей вещи. Плюс завернутый мешок в руках. Времени придумывать отмазку не было — пришлось тихонечко на цыпочках прошмыгнуть вдоль коридора к повороту и ждать, куда направится Кухарчик.

— Вечно не закроют двери, потом гоняй бомжей тут по кругу, — проворчал он, чиркнул спичкой и неспешно двинулся прямо в мою сторону.

Сразу почувствовался опыт соседа в отлавливании бомжей на подземных просторах. Стараясь не расквасить нос в темноте, я коснулся левой рукой стены, правую с мешком выставил перед собой и тихо, но смело обратился в бегство. Через пару метров стало светло, я обернулся на ходу и увидел, что рука Кухарчика с зажатой в ней свечой уже показалась из-за

поворота. Однако в то же время, как оказалось при свете, я тоже добрался до другого конца коридора и задерживаться на месте не стал. Открытая настежь наружная дверь пропускала достаточно дневного света, что позволило мне без особых проблем проскочить последний коридор, повернуть в вестибюль, взмыть по лестнице и оказаться на свободе не застуканным.

Соскучившиеся по качественному кислороду ноздри жадно втянули свежий воздух. Остался последний этап — проташить эту несчастную тряпку с завернутой в нее добычей незамеченной аж на четвертый этаж.

К сожалению, через пару лестничных пролетов на пути повстречался Демидыч из девятой. И чего это расшастались все в будний день в полдвенадцатого? На работу, что ли, никому не надо? Ах да: суббота ведь!

— Что, к бабке за картошкой поедешь? — сам решил мою проблему Демидыч и, не дожидаясь ответа, опять спросил: — Слышал, Палыч умер?

— Угу, — невнятно буркнул я и побежал дальше.

— Хороший мужик был, только умом двинутый малость, — это уже скорее сам для себя констатировал Демидыч.

А может, не такой был и двинутый Леонтий Павлович. По крайней мере, частично. Если насчет меча старик не соврал, может, и происхождение железяки — тоже правда? Хотя с такими мыслями самому недолго мозгами тронуться. Небось подобрал Палыч трофей во время японской кампании да и забыл, как дело было.

Я проскользнул в свою квартирку, в кои-то веки на ключ запер за собой дверь и выдохнул с облегчением. Теперь можно приступать к осмотру. Мешок я положил в тумбочку, клинок — на журнальный столик в зале, а кровоточащий палец — в рот. И только сейчас сообразил, что, как бешеный шахтер, бежал домой с фонариком на лбу. Осветительный прибор был отложен в сторону.

Итак, меч! Никаких оптических обманов зрения в подвале со мной не приключалось — цвет лезвия и вправду оказался на редкость странноватым. Не обычный металлический блеск стали, а зеленый, с каким-то изумрудным оттенком. Я постучал ногтем по лезвию — судя по звуку, оно вроде было все-таки металлическим. Затем взялся за кончик

меча и слегка выгнул его — сплав оказался достаточно жестким и в меру эластичным, как, по идее, и должно быть. Края лезвия имели абсолютно ровные очертания, без единой зазубрины, что свидетельствовало либо о чрезвычайной прочности материала, либо о недавнем изготовлении меча, либо о том, что бывшие хозяева пользовались им, исключительно чтобы отмахиваться от комаров. Либо все вместе. Дальше — гарда. Казалось, отливали ее из чистого золота, но неестественно малый вес клинка наводил на мысль о том, что и здесь использовался какой-то необычный и очень хитрый сплав. Длинную рукоятку обтягивал потертый и шершавый материал вроде кожи, хотя в этом я не был уверен абсолютно.

Так же, как дальтоники не могут различать цвета, я никогда не мог отличить натуральной кожи от заменителя. Этим постоянно и нагло пользуются продавцы обуви, убеждая, что я покупаю самые кожаные ботинки в мире, а потом друзья смеются и подкалывают: «Вот молодец, ты чё взял опять — это ж дерматин». Впоследствии предприимчивым торгашам приходится все-таки расставаться с парой качественной обуви и таким же количеством передних зубов.

Но в принципе меня особо не интересовало, чем именно была обтянута рукоятка. Положив меч лезвием плашмя на вытянутый палец у самой гарды, я выяснил, что клинок сбалансирован как полагается.

Взял меч в руку и со свистом рассек воздух. Очень хотелось проверить остроту оружия. На себе-то уже проверил, но все-таки желательно было испытать ее на ком-нибудь другом или хотя бы на чем-нибудь. Вспомнился кадр из фильма «Телохранитель», где главный герой, понтуясь перед своей подругой, снял с нее шелковый шарф, подкинул его в воздух и подставил самурайский меч. Шарфик плавно опустился на лезвие и разрезался на две половины.

Навечное кинематографом, у меня появилось настойчивое желание попробовать проделать такой же трюк. На антресолях валялся ящик с бесхозными шмотками. Скорее всего, некогда их туда зашвырнула хозяйка, да и забыла. Осмотрев содержимое, я решил, что ее колхозный цветастый платок вполне сойдет для эксперимента.

К моей безмерной радости, клинок Палыча справился с задачей не хуже своего киношного коллеги. Я чуть не запрпы-

гал от счастья и баловался до тех пор, пока не изрезал платок в лоскуты.

Когда эмоции слегка поутихли, пришло время поразмыслить, кому показать свою находку, чтобы выяснить о ней побольше и продать подороже. Кандидатом на должность такого человека я не представлял никого другого, кроме Шамана.

Глава вторая, шаманская

Шаман был в своем роде несравненным экземпляром. Я бы даже сказал — уникальным. Интерес к восточным боевым искусствам у него прорезался одновременно с первым зубом. Естественно, во времена безмятежного нашего детства все мальчишки фанатели от фильмов с Джеки Чаном, но в этом плане Сашка Шамов был просто неподражаем. Он не только смотрел все боевики подряд по нескольку раз, но и часами повторял увиденные движения, отрабатывая их на первом попавшемся под руку товарище. От греха подальше мы отправили Саню на секцию по карате, где он оттачивал свой талант уже на посторонних нам людях.

А дарование у парня было настоящее, причем с бездонным потенциалом. Шаман без труда выигрывал все соревнования, в которых участвовал, и это учитывая, что тренер его был довольно посредственным как бойцом, так и педагогом. Видать, мужик просто подсмотрел где-то пару приемов, купил на барахолке кимоно и решил срубить бабла с воинствующей молодежи. Во времена шальных девяностых такое можно было повернуть без труда. Но Сашку этот факт особо не расстраивал — ему лишь бы дали зал и пару фейсов на тренировке, которые официально разрешено крошить.

В возрасте около тринадцати лет неожиданно в жизнь Шамана ворвались ниндзя. Вот так, ни с того ни с сего, в один прекрасный день он просто забредил забытым учением японского клана крадущихся. В его доме, к удивлению матери и отчима, солидными тиражами стала появляться литература, изобилующая в названиях такими терминами, как «ниндзя», «шиноби», «крадущиеся», «сюрикен», «катана» и прочие.

Однажды отчим втихаря, понадеявшись, что пасынок не заметит, умудрился продать одну из книг — на бутылку не хватало. Но Шаман заметил... Папаня — между прочим, дово-

льно нехилый мужик — таких дров не получал ни на одной из своих пьяных потасовок. Даже в травмпункте наврал про какую-то драку с хулиганами — стеснялся признаться, что все-рез огреб от пацана тринадцати лет.

Шаман же, недолго думая, бросил своего тренера и целенаправленно пошел кочевать из секции в секцию, которые в те времена стали появляться, словно котята по весне. Сашка стремился найти хоть какую-нибудь информацию о том, где и у кого можно научиться искусству таинственного клана.

А потом он пропал. Вот так, примерно в шестнадцатилетнем возрасте, взял — и бесследно испарился. Родители его все твердили, что Саня поехал учиться, но куда и на кого — сами не знали. А во дворе ходили слухи, будто однажды в спортзал, где в то время занимался Шаман, пришел странный лысый мужичок неопределенного возраста в бесформенных одеждах и с отрешенным взглядом. Он о чем-то пошептался с тренером и, после того как наставник отрицательно замотал головой, покинул зал. Шаман, видимо, что-то учуял и вышел за ним, а со следующего дня ни мужика, ни Сани больше никто не видел.

Мой друг детства вернулся через пять лет совершенно другим человеком. Он сам отыскал мою съемную квартиру. Как сейчас помню тот вечер.

Я с минуту безмолвно пялился на товарища ошалелым взглядом, а возмужавший за время отсутствия Шаман стоял на пороге, смотрел на меня уверенными спокойными глазами и улыбался. Наконец осознав, кто находится передо мной, я заорал от радости, как фанатка, увидевшая кумира, и бросился с дружескими объятиями.

После того как я все-таки сообразил пригласить гостя в дом, Шаман бесшумно проскользнул в зал, плавно уселся на кресло, а от предложения накатить за встречу наотрез отказался. Пришлось удрученно ставить чайник и скрести по сушекам в поисках заварки либо чего-нибудь подобного. А себе я все-таки достал пиво из холодильника.

На вопросы о своем исчезновении Сашка отвечал уклончиво, давая понять, что правды все равно не выложит. Зато я вещал, как Эдвард Радзинский, правда, лишь о том, что произошло за последние пять лет.

Между прочим, Шаман объявился аккурат к достаточно пикантному моменту моей биографии. Как раз в ту пору я ки-

нул на деньги довольно серьезных ребят, а те, как назло, взяли да и вычислили меня. Конечно, слегка побили — чтоб страху нагнать — и поставили на «счетчик». Вступать в конфликт и подключать друзей не имело смысла — кренделей бы всем досталось: уж слишком солидными оказались оппоненты. То ли боксеры, то ли тайцы из довольно мощной группировки, для виду называвшейся спортивной секцией. Оставалось лихорадочно искать деньги на откуп. Об этой щекотливой ситуации я Шаману тоже рассказал мимоходом.

Тогда, внимательно выслушав меня до конца, Саня улыбнулся и сказал:

— Дружище, это не проблема, лишь временное неудобство. Я помогу тебе от него избавиться.

— Саня, ты, видать, не все понял. Я твои методы знаю. Бойцы там серьезные, их много. В асфальт закатают — и только потом спросят, как зовут, — попытался отговорить я Шамана. — Тем более что в этой ситуации я конкретно не прав — за нас потом ни один авторитетный человек не подпишется.

Шаман от этих слов немного поморщился с видом, будто я мифы Древней Греции ему за правду выдаю.

— Не прав — значит, поступил неправильно, так? — уточнил он. — Только вот почему? Тебе ведь нужны были деньги? Ты их раздобыл. Сделал то, что тебе нужно, — значит, поступил правильно.

— Правильно для себя, но не для них. Им теперь нужно вернуть свои бабки.

— И они в этом тоже будут правы.

— Ё-моё! Так кто ж тут, по-твоему, прав, кто виноват?

— Тут виновных нет, Арсений. Каждый хочет, чтобы эти деньги были у него, и прав тот, кто этого добивается.

— Забавная у тебя философия, дружище. Вот, например, тебе захочется, чтобы у тебя был мой ноутбук. Ты меня тогда — хрясь ножом под лопатку, и все! Добился своего. Молодец, хороший мальчик!

— Ну нет! Мне твое общество дороже ноутбука, поэтому живи пока. — Шаман хитро подмигнул.

— Хорошо, допустим, не я. Допустим, абсолютно тебе незнакомя бабка-процентщица с ноутбуком. В расход тогда баблюю? Топориком?

— Ну... Если сильно понадобится ноутбук — тогда да. — Шаман смотрел на меня абсолютно серьезно и спокойно.

— Ну ты монстр! — безразлично констатировал я, но потом, вспомнив, с надеждой спросил: — Так что там с моим временным неудобством ты удумал?

— Есть у меня одна фишка — не бойсь, проблем не будет.

— И что мне теперь, звонить этим ребятам и на хрен посылать?

— Да.

— То есть... Серьезно? — удивился я.

— А кто тут шутит?

Уверенность Шамана мгновенно, как грипп, заразила и меня. Тем более что в желудке плескалось достаточное для смелости количество пива. Я достал трубу, набрал номер и включил громкую связь. Через пару гудков из динамика раздался знакомый басовитый голос, который немного поубавил мой пыл:

— Ну что, недоносок, нашел деньги?

Посылать обладателя голоса на самом деле совсем не хотелось, но и облажаться прямо на глазах у Шамана было бы стыдно.

— Недоноска ты у себя в штанах увидишь. А вот про деньги можешь начинать потихоньку забывать. Так и передай своим подружкам. — Я изо всех сил старался говорить убедительно, еле сдерживая дрожь в голосе.

Хмель вместе с куражом куда-то улетучился.

— Мальчик, ты, наверное, ошибся номером. Это — я, Борис, и ты мне должен штуку баксов. Не забыл? И если завтра к девяти часам утра тебя с этой суммой не будет на стадионе в лесу, мы сами придем в гости и разберем тебя на запчасти.

Зная того, кто со мной разговаривал, сомневаться в правдоподобности угроз не приходилось. У них по старинке: пацан сказал — пацан сделал.

Шаман внимательно слушал разговор, затем удовлетворенно кивнул и шепотом произнес коротко:

— Лес.

Внезапно я понял, что собственными словами загнал себя в такую переделку, из которой дороги назад не было. Понадеялся на старого товарища! И если Сашкиной фишкой был не отряд ОМОНа или грандиозные откупные, что вряд ли, тогда мы влипли по самые помидоры. И чем я только думал, когда согласился на эту провокацию?

От кипящего в голове адреналина и безысходности страх

исчез, осталась только едва контролируемая ярость. Я злобно прошипел в трубку:

— Ждите на стадионе. И молитесь, чтобы у меня было хорошее настроение.

Сбросив соединение, я уничтожающим взглядом посмотрел на Шамана:

— Ну что, Александр, теперь звоню столяру. Тебе гроб какого размера заказывать?

— Мне бы еще чаю... — Сказано было с поразительным хладнокровием — хотя чему тут удивляться, зная потрясающую способность Шамана исчезать бесследно, причем сразу на несколько лет. — Слушай, Сень, я у тебя переночую, а завтра вечером надо будет к одному клубу подъехать.

— Э-э... Подожди, а как же Борис?

— Так это ж утром... — Сашка махнул рукой. — Ну так я переночую?

А вот эта идея мне понравилась. Существовал ведь далеко не самый призрачный вариант, при котором бравые и нетерпеливые ребята Бориса могли вдруг передумать и заглянуть на огонек сегодня ночью. Так хотя бы точно достанется обоим.

Но ничего экстренного не случилось, и на следующее утро мы с Шаманом бодро шагали в лес. Точнее, в лесопарк, находящийся в черте города. Через него шла «тропа здоровья», вдоль которой стояли лавочки, где пила пиво молодежь, качели, на которых эта молодежь каталась до тошноты, и стадион чуть поодаль, куда мы, собственно, и направлялись.

Я периодически оценивающе поглядывал на Шамана: парень среднего роста, примерно моего телосложения, то есть не дрыщ, но и далеко не гигантских размеров, с виду крепенький, когда-то весьма неплохо дрался. Но против своры огромных разозленных громил этого было на самом деле совсем недостаточно...

— Слышь, Шаман, так что за фишка, ты говорил, у тебя есть для нашего дела? — Я искренне надеялся только на помощь этой самой козырной карты друга.

— Какая фишка? А-а, ты об этом? Да нету ничего у меня. Я так сказал, чтоб ты себя поуверенней чувствовал. — И, глядя в мои идеально круглые глаза, Шаман добавил: — Нет, ну а чего ты хотел? Чтобы у меня автомат Калашникова с собой был? Или меч-кладенец?

Пока я осознавал, что нас уже точно ничто не спасет, мы вышли на стадион. Там в ожидании томились целых семеро молодых — как на подбор, все гренадеры, да еще и с битами в руках. Ни одной выгуливающей собачку старушки, которая могла бы вызвать милицию, в округе не наблюдалось.

Шаман своей легкой, бесшумной походкой двигался прямо к толпе, а я на досрочно ощущающих себя переломанными ногами плелся за ним следом. Драться мне с детства не очень нравилось, а уж получать опасные для здоровья звездюли, наверное, вообще мало кто любит, поэтому я решил попытаться толкнуть оправдательную речь, остановившись в нескольких метрах от Бориса и его могучей кучки. Но Шаман, как ни в чем не бывало, продолжал двигаться вперед.

Внезапно Саня сделал молниеносный рывок и, словно стрела в яблоко, вонзился в толпу амбалов. Проследить за дальнейшими событиями было невозможно. Только слышались глухие звуки ударов, хруст ломающихся костей и дикие вопли. Периодически я видел Шамана, черным пятном мечущегося между медлительными тушами лихих спортсменов. Довольно четко мне удалось заметить лишь, как Сашка вынес челюсть последнему истукану эффектной вертухой, и тот, закручивая вокруг себя кровавую слюну, рухнул на землю. Между падением тела первого мордоворота и этим ударом прошло не больше десяти секунд. Семеро здоровых мужиков были начисто вырублены, а Шаман даже не запыхался.

Если честно, я раньше думал, что такое можно увидеть исключительно в боевиках, да и то не во всех. А тут чудеса боевой хореографии — да наяву! Оказалось, пять лет назад от нас ушел хороший перспективный боец, а сейчас вернулась идеальная машина для убийства голыми руками.

— Саня, что это было? — Я говорил медленно, ошеломленный увиденным.

— Это ниндзю-цу, дружище, и еще кое-что. Я тебе как-нибудь расскажу — может, даже научу кое-чему. — С довольным, на грани блаженства, видом Шаман сцепил в замок ладони, хрустнув суставами пальцев.

Я все еще не мог поверить в свое чудесное избавление от неминуемых гипсовых повязок и очередного выпрямления носовой перегородки, но уже понимал, что Шаману обязан как минимум своим здоровьем. Придя в себя наконец, я сразу проявил удивительную для такого момента предприимчи-

вость, а именно: собрал несколько бейсбольных бит. Одну для себя, остальные — на подарки. Ретироваться решили, не дожидаясь тяжелого пробуждения спортсменов.

Оставлять такую памятную веху жизни в забвении было бы кощунством, и мы пошли отмечать победу. Вернее, учитывая трезвый образ жизни товарища, отмечал я один, зато за двоих. Сначала у меня дома, потом в баре через дорогу и под конец — в ночном клубе, где у Шамана были какие-то свои дела. Весь день я сочинял в честь храбрости и ловкости друга хвалебные тосты, которые к вечеру становились все длиннее и неразборчивее. По итогу в квартиру мой организм вернулся, мирно поспывая на Сашкином плече.

Бориса и пару его киборгов я с тех пор видел всего лишь раз — пересеклись в гипермаркете, и ребята очень тактично сделали вид, будто мы незнакомы. Какие умницы, не правда ли?

А Шаман, упомянув однажды, и вправду сделал меня неким подобием особы, приближенной к императору. В том плане, что из всех его старых дворовых друзей он ни с кем близко не контактировал — только мне позволял иногда немного углубиться в свою личную жизнь. Сашке требовалась какая-то своеобразная форма уединения, поэтому в однокомнатной квартире, которую он снимал, практически никогда никого из посторонних не находилось. Периодически я бывал в его апартаментах, обставленных в японском стиле. Японский стиль — это значит, что в комнате ни черта, кроме жесткой циновки, не было.

Шаман часто медитировал, много читал и пару раз в неделю брал меня с собой на тренировки. В любое время года и при любых метеорологических условиях тренировочный процесс проходил строго в лесу. Никаких спортивных и тренажерных залов, только натуральные условия. После непродолжительной медитации Сашка принимался гонять меня по оврагам, пока мои легкие не начинали вырываться на волю, а сам он, казалось, выкладывался раза в два больше. Потом мы разучивали и повторяли особые боевые движения, удары и приемы. Шаман показывал болевые точки, уязвимые места на костях и суставах, где их нужно брать на излом, учил правильно дышать, бесшумно и незаметно передвигаться, метать металлические звездочки, уходить от атак и мгновенно контр-

атаковать, вести бой с несколькими противниками, фехтовать.

Тренировка заканчивалась спаррингом, который в основном бывал двух видов. В первом случае Шаман становился поваром, а я — куском свежего мяса, из которого он старательно делал отбивную. Работал Саня, конечно, в четверть силы, но достойно влупить ему хоть разочек в ответ мне ни разу не удавалось. А вот свое тело после таких боев можно было смело сдавать в утиль, как отработанный материал. Когда мы устраивали спарринг другого вида, размахивал конечностями один я, а Шаман только уворачивался и блокировал удары. После окончания он называл мне цифру, обычно в промежутке от тридцати до пятидесяти, которая означала, сколько смертельных ударов за время боя он мог мне нанести, если бы моя компания вдруг ему наскучила.

Но лишь одной медитацией сыт не будешь, и Саня устроился охранником в тот самый крутой ночной клуб, где мы праздновали «день сохранения здоровья». Чтобы попасть туда работать, надо было убедить начальника охраны, что ты достоин стоять на страже порядка беспокойной массы посетителей, продержавшись три минуты под ударами этого монстра. Но в случае с Шаманом сам начальник думал, как бы дотянуть до конца. Сашку даже поначалу не хотели брать — боялись, что может покалечить зарвавшихся клиентов. Но как-то все уладилось. Буянов мой друг не убивал, но лишь он один мог вежливо и убедительно сказать обдолбанным, грозившимся смешать всех с дерьмом ребятам что-то вроде того: «Извольте, господа, вот — лопата, вот — дерьмо, прошу вас, мешайте. Только смотрите сами не запачкайтесь». И сквозь затуманенный мозг до них непременно доходило, что в неприятной субстанции они испачкаются наверняка, но вот остальные — вряд ли.

К моему способу опасных и непостоянных заработков Шаман относился крайне скептически. Именно поэтому друг настойчиво способствовал, чтобы меня взяли работать вместе с ним в то же заведение, но без прохождения их специфического «собеседования». Не был я еще готов к сражениям с гориллоподобным шефом, кстати говоря, бывшим десанником. Кто сталкивался — тот, безусловно, знает, что собою представляет отъявленная десантура. Куда мне с таким тягаться!

Да и во время ночных смен я особо не влезал в конфликтные ситуации, по крайней мере, если рядом не тусовалась пара-тройка свирепых коллег, а еще лучше — сам Шаман. В общем, я вел себя как обычный работник, устроенный по благу, — не напрягался. А зачем, когда денежка сама капает в карман?

Вот так мой друг не только неожиданно объявился в моей жизни, но и, несомненно, сделал ее намного более качественной.

Глава третья, переходная

Таким образом, было ясно, что никто лучше Шамана не сможет провернуть дело с моим загадочным клинком. Правда, одновременно все усложнялось и упрощалось одним моментом: как раз в это время Сашка устаивал своим присутствием некий съезд представителей восточных единоборств. Их сборище проходило в другом городе, что было явным минусом. Плюс заключался в том, что плотность японцев на метр квадратный в эти дни значительно превышала среднегодовое значение, и при хорошем стечении обстоятельств появлялась выдающаяся возможность слить клинок быстро и в хорошие руки. Оставалось только выйти на связь с Шаманом.

Я набрал его номер и стал слушать нудные гудки. На шестом из динамика раздался вечно спокойный голос моего друга:

— Да, Арсенал?

— Здорово, Саня! Как там у вас?

— Так себе, обычные представители кунг-фу, джиу-джитсу, показательные бои, контактных не было. Но есть тут пара любопытных людей...

— А, ну ясно. — Я прервал Шамана, так как первый свой вопрос задал скорее из вежливости и в ответе на него не нуждался. — Саня, у меня есть к тебе одно дельце. Короче, слушай. Раздобыл я недавно кое-какую о-оч-чень занимательную игрушку, по части твоих японских коллег. Сейчас тебе фотки на телефон скину. Ты там эту штуковину, может, покажи кому следует. Мне надо сначала хотя бы узнать примерную цену. Потом пробей — кому продать ее можно? Сделаешь?

— Опять твои дела? — равнодушно донеслось из телефона. — Что там у тебя такое?

— Жди, сейчас фотки перешлю. Как посмотришь — звони. Ну все, давай.

Я сбросил соединение, аккуратно положил меч на пол и, как Ленина в мавзолее, стал шелкать его с разных ракурсов. Потом сбросил все снимки Шаману и принялся нервно томиться в ожидании. Но, хвала современным средствам связи, скучать пришлось недолго. Сашка позвонил почти сразу:

— Странная вещичка, скажу я тебе, Арсений. Первый раз такую вижу. Где взял? — Голос его был до раздражения спокойным, как всегда. Хоть бы удивился, что ли!

— Да вот у нас в клубке сегодня ночью самураи хулиганили — трофей достался.

— А если серьезно?

— А если серьезно, то долго рассказывать. Потом. Так что там, ты пробил какую-нибудь заинтересованную японскую рожу?

— Пока нет, давай так... Ты сюда гони, а я к этому времени все устрою. Лады?

— Лады. Где вашу обитель мордобоя искать?

— Наберешь. Все, давай, тут сейчас как раз выставка оружия.

Шаман сбросил, а я полез обратно в тумбочку за мешком. Кажется, назревало прибыльное дельце.

Завернув меч, я переоделся в спортивный костюм — черт его знает, в чем эти бойцы по своим симпозиумам разгуливают, но кимоно у меня в гардеробе никогда не было. С мыслями о том, что незаметно слиться с окружающей толпой вряд ли удастся и что чересчур много, как девочка, думаю о наряде, я запихнул документы с ключами в карман и двинул на улицу.

На дворе стояла моя самая любимая погода. Тяжелые темные облака быстро летели над головой, прикрывая собой ярко-синее небо. Широкие лучи солнца местами прошивали их бесформенные туши, отчего создавалось впечатление, будто сверху кто-то подсвечивает огромным прожектором обширные участки городского ландшафта. Прохладный воздух и высокая влажность наполняли приятной свежестью легкие, отчего казалось, будто кислорода в атмосфере немного больше, чем обычно.

Старый белый «Фольксваген Пассат» ждал на стоянке. Он

сохранился у меня с тех времен, когда я интенсивно гонял на Польшу соляру, спирт и сигареты. Дутый бак вмещал сто пятьдесят литров, а в кузове пряталось столько нычек, что в нем, наверное, можно было незаметно перевозить слона или пару эмигрантов, правда, в разобранном виде. Один из тайников и сейчас мог пригодиться, потому что гаишники нередко проявляют чрезмерное любопытство к тому, что творится у порядочных людей в салоне или багажнике.

Я наспех огляделся по сторонам, убедился, что никто мою сторону не смотрит, достал меч из мешка и запихнул его в нишу под самым днищем. Клинок влез как раз вприкрыт и надежно зафиксировался.

За тачкой я старался следить довольно тщательно, тем более что была пара знакомых автомехаников, поэтому, несмотря на солидный возраст, машина завелась с полуоборота. Два литра в четырех цилиндрах затарахтели под задницей, и я покатил навстречу возможной жирной наживе.

Вот такая получилась, можно сказать, предыстория. Задорное и перспективное начало дня. А с чего я, собственно говоря, начинал? Ах да! Итак, «фольксваген» резво мчался по трассе, я отмахивался от пессимистичных мыслей, прокручивал в голове невероятные события сегодняшнего утра, отдельные моменты своей не особо выдающейся жизни и безоговорочно верил в светлое будущее, даже не связывая его с коммунизмом. А дальше события завернули мое сулящее прибыль мероприятие на немного другую колею.

Спустя несколько минут, как я выехал из города, начал мигать датчик топлива. Пилить предстояло километров триста, поэтому пришлось высматривать заправку по пути. Еще повезло, что вчера выдали зарплату и я не забыл взять с собой деньги. А то забавно, наверное, смотрелся бы на обочине в спортивном костюме (черт, опять напрягаюсь по поводу наряда) и голосующим здоровым мечом. Типичный маньяк.

Вскоре заправка выплыла из-за небольшого лесочка, и я свернул наполнить брюхо своему четырехколесному динозавру. Других машин там не было, соответственно, водителей тоже, только молодая девушка одиноко маячила возле окошка оператора.

Я остановился рядом с колонкой, достал кошелек и пошел платить, пересчитывая на ходу деньги. Сумму, как оказалось,

я взял с собой приличную, но привезти обратно рассчитывал намного больше.

— Пятьдесят литров дизельного на вторую, — просунул я деньги в окошко.

С приветливой улыбкой оператор сгребла наличные, пощелкала клавишами на компьютере и, продолжая улыбаться, отслюнявила сдачу.

Вообще я давно заметил, что самые вежливые работники сервиса трудятся именно на заправках. То ли мне просто везло с настроением девушек, то ли у них там жесткий психологический отбор при трудоустройстве, а может, с нефтяного бизнеса им обламывается достаточно денег, чтобы не быть обозленными на жизнь и всех окружающих. Не то что некоторые продавщицы в магазинах: такое ощущение, будто их перед сменой накачивают гиперагрессивной смесью из адреналина, тестостерона и спирта. Правда, труд охранников тоже сравнительно неплохо ценится, но благодушными добрячками нас никак не назовешь.

Пока я стоял у окошка, глаза как-то сами кинули косяка на стоящую рядом девушку. Оказывается, она беззастенчиво и любопытно разглядывала мою скромную персону. Я отвернулся и направился в сторону машины. К сожалению, не было времени строить глазки. Но судьба распорядилась иначе, и вскоре за моей спиной послышались быстрые шажочки.

— Молодой человек! — Я остановился, ожидая, когда девушка поравняется со мной. — Молодой человек, вы не подбросите?

— А вам куда? — Теперь я мог спокойно и вдоволь разглядывать незнакомку.

А смотреть было на что. С виду немногим больше двадцати, красивое личико, пышные волосы каштанового цвета, стройная фигурка, грудь даже имелась в наличии. Судя по стильной, но не вульгарной одежде и умеренной боевой раскраске, можно было сделать вывод, что я наверняка имел дело не с проституткой.

— Да здесь по трассе километров двадцать. — Она махнула рукой вдоль дороги, улыбнулась и вопросительно посмотрела на меня.

Взгляд этого милого личика по бронебойности мог сравниться даже с обезоруживающим видом кошки из «Шрека».

— Не вопрос — подкину, раз уж по пути, — улыбнулся я в ответ. — Прощу.

Между прочим, грамотный ход: вместо того чтобы околачиваться на обочине и оттопыривать большой палец вверх каждой проезжающей попутке, можно просто договориться лично с водителем на заправке или в придорожной кафешке. И тут уж шефу придется либо брать человека, либо придумывать вразумительную отмазку для отказа, а не проноситься мимо с игнорирующим взглядом. Хотя такой барышне в любом случае поймать попутку проблемы явно не составило бы.

Мы мчались по трассе, и в салоне распространялся ее беззаботный щебет:

— Я собиралась домой после занятий, а тут вдруг сломался каблук. Пришлось возвращаться, но из общаги на пригородный автобус уже не успевала. Кое-как до заправки добралась, а тут вы, слава богу, появились. Не знаю даже — что бы я без вас делала?

Периодически отвлекаясь от дороги, я поглядывал на свою привлекательную попутчицу и очень надеялся, что она скрытая, а лучше явная нимфетка. На худой конец я принял решение непременно стрелкнуть ее телефончик — впоследствии может пригодиться. Жаль, костюм не совсем подходящий. Тьфу ты, опять о наряде!

— Мне к родителям, в деревню. Отсюда недалеко, — продолжала она. — Вы меня на повороте там посадите, а дальше я сама.

— И долго самой топать от поворота?

— Да нет, километра два всего лишь.

— Ничего себе «всего лишь» на таких каблуках, — указал я глазами на ее сапоги, с удовольствием проведя взглядом вдоль торчащих из-под юбочки стройных ножек.

— Нормально, танки грязи не боятся. — Она опять сногшибательно улыбнулась, и мы весело рассмеялись.

Согласно древнейшей тактике, пора было потихонечку переходить на комплименты.

— И не страшно такой обворожительной девушке передвигаться автостопом?

— Ну... Вообще-то сначала было немножко, но у вас лицо такое доброе... — Настолько мило у нее получилось это сказать, что я аж чуть не покраснелся.

— Ага, оно еще пушистое, как персидский ковер, особенно если долго не бреюсь.

Девушка забавно хихикнула в ответ.

— И где такие красавицы в нашем городе учатся?

— В универе, на юриста.

— А, ну все понятно! Судья с присяжными при виде вас вынесут вердикт «н-не-не-невиновен!», даже не глядя на подсудимого.

Я продолжал обрабатывать ее шуточками и ненавязчивой лестью, пока мы не доехали до перекрестка с проселочной дорогой, которая шла вдоль пролеска с одной стороны и поля — с другой.

— Вот, вот здесь. — Красотка замахала руками в ту сторону. — Здесь остановитесь, я дальше пешком.

Я посмотрел на несчастную двухколейку и ужаснулся: в эту грязь последнюю свинью не захотелось бы отпускать на прогулку, не то что девушку.

— Да что вы! И по этому танкодрому вы собираетесь свою красоту перемещать? Сколько вы там говорили, два километра до ваших владений? Давайте уж до конца доведу. — Я свернул и параллельно подумал, что Шаман подождет, никуда не денется.

— Что вы, не надо, я сама!

— Да ладно. — Мой голос не терпел возражений.

Машина загрохотала своими железными внутренностями, ежесекундно подсакивая на рытвинах. Как бы товар с таким ралли по сельской местности не вывалился. Девушка вновь заговорила:

— Даже не знаю, как вас благодарить, вы меня так выручили... — В ее голосе и движениях проскользнули нотки неуверенности, как будто она собралась что-то сделать, но никак не могла решиться.

Только я собрался сообщить, что лучшей благодарностью будет номер ее телефона, как вдруг моя прекрасная незнакомка томным голосом заявила:

— Остановите машину здесь, мне душно. — Она прикрыла глаза, высоко вздымая грудь.

Ого! Как интересно! Я притормозил.

— Откройте окно, здесь так жарко. — Я мигом опустил стекло со своей стороны, и в салон ворвался поток пахнувшего хвоей воздуха из леса.

Незнакомка распахнула свои потрясающие глаза и уставилась на меня похотливым взглядом:

— Я могу сказать вам спасибо только так!

И она впиалась в мои губы сладким поцелуем. Это было настолько незабываемо, приятно и восхитительно, что я не сразу заметил, как замолчал двигатель автомобиля, а под ребра мне уперлось лезвие ножа. В эту же секунду через открытое окно в салон пролезли три предмета: наглая бритая рожа, волосатая рука и небольшой разделочный тесачок в ней, который сразу начал угрожать целостности моего горла.

— Вылезай, быстро! — прокричала рожа мне в самое ухо, потом дверца распахнулась, и меня бесцеремонно, как нашкодившего котенка, за шкирку выволокли наружу.

Из леса вылезали еще два человека. Все с виду — натуральные колдыри: в непонятых мешковатых штанах и фуфайках. Тот, который бритый, довольно внушительный на вид, остался рядом со мной, продолжая угрожать ножом, другой, с первого взгляда старший в этом боевом звене, счастливый обладатель огромного синего носа, сразу полез копошиться в багажник, а третий, самый мелкий и к тому же сопливый дрыщ, принялся обыскивать салон. Красотка уже вылезла из машины и, покручивая на пальце брелок с ключами от «пассата», с издевкой смотрела на меня как на безнадежного идиота.

Но как же лихо все провернула, бестия! Это ведь не я ее обрабатывал, а совсем наоборот. И там, на заправке, эта сучка вовсе не меня любопытно разглядывала, а дружно, вместе со мною, пересчитывала мои же бабки. Эх, и говорил ведь нам еще в школе пожилой подполковник — учитель допризывной подготовки, — что считать деньги надо так же, как и заниматься онанизмом: то есть либо в одиночестве, либо в кругу очень близких друзей. А это ее предрасполагающее поведение и просьба выкинуть на глухой проселочной дороге — ну какой же джентльмен бросит беззащитную даму в такой неловкой ситуации? Я и повелся. Вот и позволил затащить себя подальше от оживленной трассы. И наконец продуманная просьба открыть окошко с отвлекающим поцелуем — как я сразу не догадался? Хотя чем уж там догадываться, когда все мысли базировались сугубо ниже пояса...

Я еле сдерживал кипящую в крови ярость. Да кого эти недоделанные гангстеры собрались развести? Меня? Человека, у которого за спиной стоят кореша из службы безопасности

самого понтового клуба в городе и сам Шаман? Меня? Закаленного тренировками в самых жестких условиях? Да мне сам черт не брат, не то что стайка доморощенных головорезов. Но раз уж меня так ловко и эффектно сделали дурачком, то я решил в долгу не оставаться. Тем более что кипящая злоба так удачно притупляла чувство страха.

— Пацаны! Не убивайте, пацаны! — Испуг, по-моему, изобразить удалось натурально. — У меня есть деньги, я вам все отдам, только не убивайте! Пацаны, я золото везу, у меня слиток под днищем спрятан! Я вам отдам, только не убивайте!

На лице бритого, к которому я в основном и обращался, проскользнула тень любопытства. Незнакомка тоже удивленно повела бровью. Остальные двое удостоили меня лишь короткими взглядами и продолжили распатронивать машину. Видимо, терять времени лесные разбойники не желали.

— Какой слиток? — Бритый недоверчиво на меня пялился, однако нож убирать не спешил.

— Золотой! Сейчас покажу! — И я с готовностью ринулся на землю ковыряться в тайнике. — Сейчас, сейчас, пацаны! Вам его на полжизни хватит, сейчас... — Я осторожно, чтобы не порезаться, шарил рукой, пытаюсь ухватиться за рукоятку. — Вот, нашел!

Выскальзывая из-под машины, я быстро левой рукой взял на захват кисть с ножом бритого, а правой, сжимающей клинок, с размаху съездил ему по морде. Хрустнула челюсть, бандит откинулся корпусом назад, и тут же затрещало его находящееся в захвате запястье. Кисть здоровяка разжалась, выпуская оружие, а я грозно крутанул клинком, мол, у кого из нас ножичек круче?

Из окровавленной пасти разбойника вылетел зуб и полный боли вопль:

— Кирюха, шпалер доставай!

Оглянувшись, я увидел, как мужик с синим носом, в ужасе глядя на меч, копошится у себя за пазухой, судорожно пытаясь что-то извлечь. На долгие философские размышления не оставалось времени: если у него там ствол, то меня за один только зуб товарища пристрелят, как хромую лошадь, а за сломанное запястье могут приговорить в особо извращенной форме. Я отпустил руку бритого, и тот со стоном рухнул на землю. Оглядев напоследок искореженные страхом лица участников квартета, я пулей рванул в лес. Обогнул пару елей, за

спиной грохотнул выстрел, и ствол справа от меня брызнул щепками. Я тотчас сместился в сторону, резко нырнул вперед, кувырнулся и опять сменил направление.

Дальше пришлось двигаться, как учил Шаман — то есть рывками, зигзагами и кувырками, внезапно меняя курс. На мою беду, лес был небогат кустарником и оврагами, которые могли предоставить хоть какую-нибудь возможность временно скрыться. Раздался второй выстрел, но все равно шансов попасть в меня у бандита было столько же, сколько у пьяного бомжа проникнуть в элитное казино.

Топот преследователей не утихал. Скорее всего, в погоне участвовали двое — Кирюха и второй, мелкий, а моя двуличная попутчица осталась зализывать раны боевому товарищу.

Вскоре на пути наконец показались довольно большие заросли кустов, и я недолго думая метнулся в самую гущу. Неожиданностью было то, что кусты росли на самом краешке довольно крутого склона, скатываться по которому сломя голову в мои планы не входило. Но пришлось. Тело кубарем стремилось вниз практически с ускорением свободного падения, лес превратился в зеленую карусель-«сюрприз», а повлиять на траекторию движения было решительно невозможно. Оставалось лишь молиться, чтобы на пути не попался камень или достаточно крепкое дерево, о которые на такой скорости можно запросто разломать позвоночник на две части или сделать в черепе дополнительное отверстие для проветривания. Через пару секунд в крутящуюся картинку леса настойчиво стало вклиниваться серебристо-серое пятно, неуклонно увеличивающееся в размерах, из чего можно было сделать вывод, что я скатывался прямо на него.

Наконец обрыв, как и все в нашей жизни, подошел к концу, но не слишком приятному, так как венчался трамплином в виде небольшого бугорка. Взмыв над землей, мое тело перешло на более плавные обороты, и в полете, как на замедленном кадре, мне удалось разглядеть кучку людей в камуфляже, провожающих меня стволами автоматов и удивленными взглядами, гору непонятной аппаратуры и то самое серебристое пятно. Оно выглядело как переливающийся волнами круглый слой ртuti, поставленный вертикально. Я плюхнулся в самый центр этого круга и отключился.